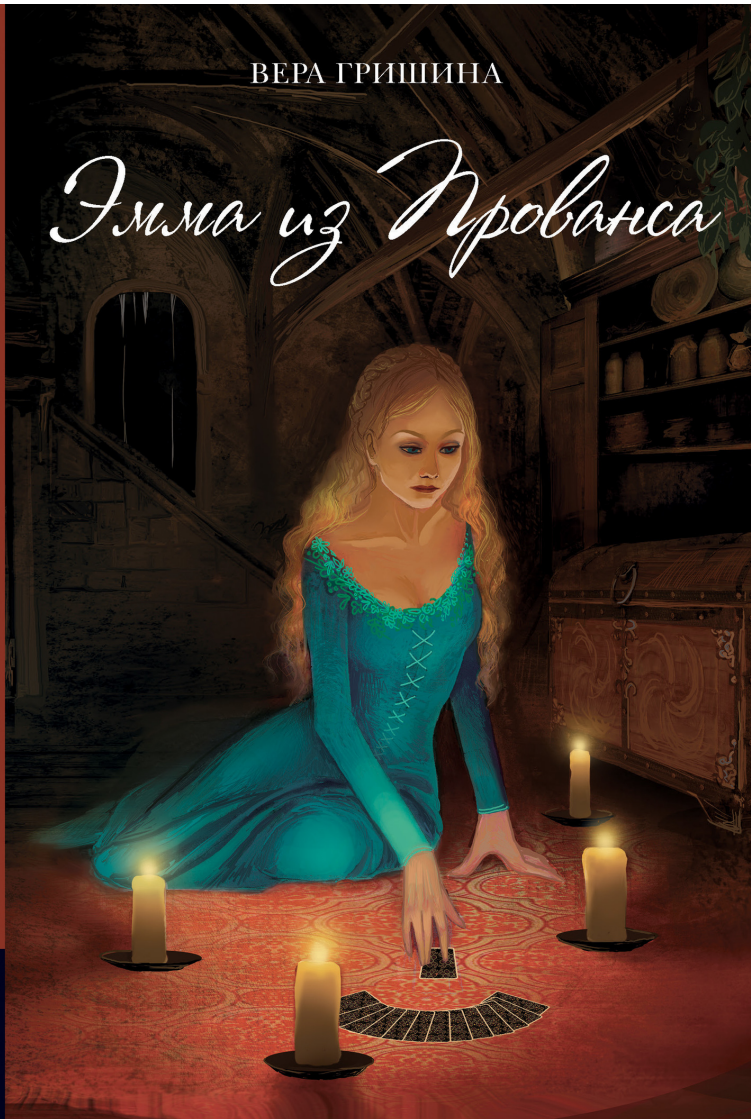

ВЕРА ГРИШИНА

Эмма из Прованса

Вера Гришина

Эмма из Прованса

Серия «Аллея»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49613046

В. Гришина. Эмма из Прованса: ООО «Издательство «Руда»; Москва;

2020

ISBN 978-5-6042789-6-3

Аннотация

Мир молодой девушки Эммы переворачивается, когда она встречает любовь всей своей жизни. Но она ещё не знает, что её избранник совсем не тот, за кого себя выдаёт... На какие опасные сделки с потусторонним миром пойдёт Эмма, чтобы остаться в живых? Какой на самом деле является обратная сторона её жизни? Какие страшные секреты она скрывает от своего жениха? Встреча с опасностями, настоящими злодеями и демонами. Неожиданные повороты событий, потусторонние миры. Что окажется реальностью, магией? Или это игры разума?

Для широкого круга читателей.

Содержание

Часть 1. Идеальная любовь	5
1. Детская пыль	5
2. Слово отца	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вера Гришина

Эмма из Прованса

© Издательство «Руда», 2019

© В. Гришина, 2019

© Л. Д. Магонова, иллюстрация на переплёте, 2019

*** * ***

Часть 1. Идеальная любовь

1. Детская пыль

На дворе 1498 год, 498 год 2 тысячелетия, 98 год XV века, Франция, правление Карла VIII из династии Валуа и абсолютная монархия. Крупные капиталы во Франции находили своё приложение преимущественно в торговле, кредитно-откупных операциях, в мануфактурах.

Франция выступала как крупнейшее из централизованных государств Западной Европы с развивающимися экономическими связями, богатыми городами и растущей культурной общностью.

Мы жили в провинции, отец, дабы увеличить свой капитал, занимался торговлей. Дворянство являлось основной опорой французского абсолютизма, который постепенно устанавливался во Франции. Город Прованс, где мы и жили, славился крупнейшим средиземноморским портом Марселем, игравшим большую роль в торговле французских купцов с Испанией, Левантом, Италией и северным побережьем Африки.

Не вдаваясь в политические презумпции, по правде говоря, я очень люблю Францию. Мой отец – герцог Жозеф Орлеанский, единомышленник Папы Римского Александра VI,

часто ездил в Ватикан к одному из своих друзей-кардиналов. Золото, золото... Отец бредил количеством драгоценностей, пересчитывал свои земли на пальцах, а ещё ему много приходилось тратить золотых денариев на свою любовницу.

Недавно мне исполнилось шестнадцать лет, и отец, оказалось, внезапно решил выдать замуж. Но я была к этому не готова. Всегда думала, что мой брак будет каким-то особенным: выйду замуж по любви, а отец выдаст за достойного человека, который будет уважать меня и любить, а матушка только поддержит в выборе жениха.

Но обернулось всё не так: отец выбрал просто того, у кого большой и толстый карман, набитый золотом, да имеются земельные угодья. Чтобы от меня поскорее избавиться, словно от лишнего груза. Хотя, возможно, ему сделали выгодное предложение, от которого он не смог отказаться: наверное, опять вернуться на службу в королевский двор к Его Величеству, а цена – мой брак. И с одной стороны понимаю отца: я – лишённая права голоса, серая мышка, которой ничего не положено, потому что – женщина. От меня требуется исполнить свой долг: родить детишек, обрадовать напоследок свою матушку, которую очень люблю. Вот моя роль в этой жизни. Но чтобы исполнить долг, должна сначала выйти замуж.

В целом, что могу тут рассказать о своей жизни – какая-то бесцельная... Не жизнь, а существование. Делать то, что не хочешь, но должна. А разве это справедливо, когда за те-

бя решают и лишают права выбора? Даже если сбегу, к кому мне пойти? Куда я пойду? Потому что родилась женщиной, без прав. Прежде всего, это чувствуется, когда родной отец разговаривает и делает вид, что я даже не достойна его внимания. И это ноша в моём мире самая сложная – жалеть, что рождена женщиной. А как больно ребёнку, когда собственный отец говорит об этом матери и предъявляет ей неисполнение её долга супруги! Словно меня не существует, а просто призрак в доме, потому что не родилась мальчиком, и место моё всегда будет не в почёте.

И в браке женщина не у дел, главное, чтобы мужчина был доволен, будто женщина рабыня либо объект для получения удовольствия. Некоторые мужчины обращаются с женщинами как с животными. Я считаю, женщина – прежде всего человек. Да, человек, – а кажется, будто человек всего лишь наполовину.

Мне не с кем делиться своими печальными мыслями, потому начинаю писать, завела маленький дневник. Чуть-чуть стало легче.

Не всегда хочется вспоминать своё детство, потому что оно было двояким. Есть воспоминания, которые связаны с мамой, они самые дорогие, а другая часть, без матушки, – это болезненная сторона моей жизни. И во второй половине детства я была совсем иная. Замкнутым и трудным ребёнком.

Как такового общения с ровесниками у меня не было, да и

особо не горела желанием с кем-то дружить и секретничать. Мы жили в огромной усадьбе с матушкой и отцом, слуги с нами жили тоже. Я росла капризной принцессой, нянечки совсем избаловали, иногда сама это признаю, потому что моё поведение порой выходило за границы дозволенного.

У меня не было родных братьев и сестёр, были только кузины, которые приезжали на выходные из столицы в нашу провинцию и обожали мучить своими рассказами о том, что многое теряю, живя в этом маленьком городишке. Но мне он нравился, как раз для спокойного, сдержанного и замкнутого человека. Именно такой я стала в той половине неприятных воспоминаний детства.

Мне нужен был свой спокойный угол или место, и этого было достаточно, чтобы никто не трогал, вернее – не досаждал. И всё, о чём говорю, была моя комната – укромное место.

Я была слишком набожна в детстве, и любовь к Богу была сильной. Настолько сильной, что хотела уехать в аббатство и стать монахиней, невестой Христовой. Я всегда с ним разговаривала, не только в дни, когда просила у него помощи или когда читала молитвы. Чувствовала его в себе, будто он всегда со мной, как вторая половинка в душе, в сердце. И я его очень любила. Всегда хотела почувствовать его объятья, его руку в моей руке, ощутить его тепло, потому что мне этого не хватало. Матушка говорила, что я особенная, что могу чувствовать то, что не могут чувствовать другие, но она

потом сильно заболела и слегла, а отец утешался в объятиях своей новой пассии. Мерзость...

Грусть меня гложет, будто что-то делаю не так или не так сделала раньше. Грусть, как море, наполняется от количества моих слез, и не могу от неё убежать либо быть на суше. Она меня затянет с головой на дно. Грусть – как семена, потом рождается депрессия, затем – нервозность и отчаяние. И от этого не сбежать, как замкнутый круг, словно семена грусти во мне. Но они находятся за решёткой, как в темнице, а там висит замок и у меня есть ключ. С годами семена, возможно, прорастут, и когда-нибудь та маленькая темница не сможет сдержать эту грусть, она просто сломается, чувства схлынут, и меня повергнет тьма, несущая грусть. Грусть, от которой невозможно избавиться. Надо уничтожить цепочку этого замкнутого круга. Только так можно с ней покончить. Но отчего же эта грусть появляется, чего недостаёт? Тепла или просто любви, ласки? Или это просто всё – мама. Моя любовь к ней безгранична, всё то время, что у нас было, быстро закончилось. И вроде бы она здесь, и вроде бы её нет. И вроде бы жива, а в то же время больна, на краю пропасти, и всего лишь вопрос времени... Эту любовь словно насильно забрали, и слезы не смогут помочь, мокрые ресницы по ночам не спасут мою мамушку.

Как же не хватает её голоса, мягких румяных щёк, которые я целовала по утрам, её прикосновений к моим кудрям, когда она радовалась моим первым стихам, что придумыва-

ла и читала вслух. Где моя мама? Куда вы её от меня спрятали? Такая тяжесть бранных дней оставила след в моей душе, ту самую грусть, и взгляд был уже не таким ярким и жизне-радостным.

Когда я была совсем ребёнком, не понимала, почему не могу увидеть свою маму. Если бы она была больна, то болезнь всегда можно вылечить, всегда можно её победить. Не могла понять, почему не могу увидеть свою мать, хоть совсем ненадолго. Почему запрещали её видеть?

Моё состояние отцу совсем было не по нраву, как раз тогда матушка слегла. Отец совсем не любил меня, словно лишь напоминала о его ошибке, потому что рождена не мальчиком. Я почти не выходила на прогулки, не посещала уроки: изучала французский и итальянский в своей комнате. Мне было одиноко. К маме не позволяли приходить, боялись, что увижу её совсем в плохом состоянии или в приступе. Это только сейчас понимаю, почему запрещали её видеть.

Почти каждый день я плакала, тогда мне было лет девять. Целый день ревела и звала матушку, отец был постоянно в разъездах, и никто не мог утешить. Няня постоянно ругала, что очень много плачу. Но ведь была же тогда совсем ребёнком, неужели нельзя было себя вести снисходительней?

Затаила злобу на няню, и потом, через несколько месяцев, отец её выгнал. Тогда я была подвержена постоянно депрессиям, сила духа покинула. Да, тогда... Я даже и не знала, что такое сила духа. Было не до рассуждений, а просто скучала

по матушке и очень хотела её увидеть.

Как-то раз няня застала меня сидевшей на перилах балкона, где я надеялась увидеть матушку во дворе. Помню, что няня сильно испугалась, подбегая и выкрикивая моё имя, будто спасала, но я же не пыталась покончить с собой! Слуги шептались, и слухи дошли до отца, и его это вроде встревожило, но он ничего не предпринимал.

Мой взгляд был наполнен грустью, хандрой и тоской по матери, её тепло растратилось. Не знаю, как это смогла вообще пережить такую утрату любви. А может, ещё и не пережила?

Я её так любила, и сейчас люблю. Только такая любовь рождает лишь отчаяние при виде её больного тела. После того, как стала старше, всё-таки смогла навестить мать, но тот день был первым и последним, когда я её навещала. Больше не приходила к ней. Увидела её болезненный взгляд, тогда она меня совсем не узнала, а думала, что крепко обнимет и скажет, что скучала по мне. Но её холодный взгляд запомнила навсегда, словно я была чужая. Слезы сами начинали выступать на глазах. Конечно, я не хотела бы, чтобы мама меня видела в таком состоянии, но она даже и не помнила, что моя мать. Болезнь матушку губила из года в год. Это для меня стало потрясением, и сильно переживала, не могла спать. И больше не смогла к ней приходиться, было очень больно, и к такому повороту событий была не готова. Меня не помнила собственная мать! Отчего тут не погрузиться в затяжную

депрессию? Не могла более смотреть на неё и знать, что не могу спасти. Никто не может спасти.

Отец начал поговаривать, что матушка безумная. А вот этого я ему не прощу! Как он смеет говорить такое, когда эта женщина была с ним рядом всю его жизнь и родила ему дочь?! Отец нас так за всю жизнь и не любил.

Хочется бежать, хочется, чтобы это был просто какой-то плохой страшный сон, ущипнуть себя, чтобы потом наконец-то проснуться от кошмара. Хочется себя обманывать, говорить, что это всё неправда! Это ложь! Моя мать не больна! Моя привязанность к ней сильна, как крепкая нить, и хочется всегда ощущать и верить, что она жива, она рядом в этом мире сейчас, я не хочу её отпускать никогда. Но с другой стороны, может было бы намного правильнее, если бы эта нитка давно оборвалась, тогда я перестала бы думать о надежде, перестала бы себя мучить и изводить. Может, уже сама схожу с ума?

Это беда, когда близкий человек так сильно болен и находится только в руках Господа. Бездействие убивает, режет, но потом как бы уже и свыкаешься с этими мыслями. Появляются другие мысли, другие люди, и так продолжаешь жить дальше.

Когда мама заболела, могу признаться сейчас, что была одиноким ребёнком. Отцу также было не до меня, я его совсем-то и не видела, он постоянно в разъездах, и сейчас ничего не поменялось, у него другое развлечение – женщина.

И такой мир печальный и грустный... Как подобное могло произойти? Ведь я молода, должна радоваться молодости, радоваться всему, что у меня есть. Почему же не могу радоваться? У меня не получается, слишком сложно научиться простым вещам.

Как же мне не хватает матушки, как же не хватает советов и объятий на ночь. Словно пустота проникла в мою жизнь и стала злым другом. Грусть и пустота – это двое воришек, обокравших меня в день настоящий и грядущий, а так быть не должно. Остался только дневник, который принимает меня такую, какая есть, и не отворачивается, хотя он молчалив и бездушен. Но я надеюсь, мой дорогой дневник, что обязательно найду в себе силы радоваться и улыбаться. Обещаю тебе.

Я помню голос матушки, которая шептала на ухо:

– Ты сможешь, разглядывай внимательней, – говорила она и учила своим колдовским штучкам. Она говорила, что я такая же, как она. Что стану сильнее и моя магическая сила должна быть во благо.

Я помню её светлые вьющиеся волосы, большие красивые любящие глаза. Она пахла лесными ягодами, этот запах я запомнила на всю жизнь. Мне тогда было где-то лет восемь. Мы были в саду, и с закрытыми глазами пытаюсь воспроизвести сад в своём воображении.

Зелень, а рядом дерево с развевающимися ветвями, с сочными спелыми яблоками, там сидит моя матушка и улыбает-

ся, она срывает яблоко с дерева и протягивает мне. А я продолжала сидеть с закрытыми глазами и улыбалась. Матушка олицетворяла богиню женственности, гармонии и любви, она говорила, что если станет когда-нибудь грустно, чтобы всегда себе представляла то, что представляю сегодня, и будет легче справляться с недугом. Я тогда, как правило, любила каждое её слово.

Она любила щекотать, я лежала в саду и громко смеялась до слёз, потом обнимала матушку и говорила, что очень её люблю. И думала, что она будет всегда со мной и ничто не сможет нас разлучить. Думала, что по утрам она всегда будет плести косы, и её руки будут гладить по голове, а в её объятиях буду скрываться от плохого настроения или грусти. Но всё оказалось не так. Оттого и чувствовала невыносимую тоску, будто сначала вырвали часть сердца, но время шло, и я начала по-другому мыслить, стала улыбчивой, более раскованной и ветреной.

С возрастом изменилась, будто всё забылось: и то, что матушка слегла, и то, что её болезнь сильно на меня повлияла.

Появились первые влюблённые отношения и отвлекли от бременной тяжести. Я стала иной или просто хотела стать другой, забывая о том, какой была ранее, потому что об этом напоминала самая любимая на свете женщина – моя мать, с которой я не могла быть.

Я имела близость и, лишившись целомудренности в раннем возрасте, скрывала это от отца, потому что он не смог

бы меня выдать замуж. Слухи ходили, но я пыталась их пресекать, увольняя сначала кухарку, потом свою няньку с помощью жалоб на них отцу. Прodelывая такие пакости, снова улыбалась, настроение и молодая кровь играли в моих венах как живая музыка. Я хотела влюбляться, хотелось новых знакомств. Но признаюсь, что всё-таки хотела убежать от мыслей о матушке, о её болезни и от осознания того, что никогда её не увижу прежней.

Мой игривый, ветреный, влюбчивый характер прямо-таки «заташил» на любовное приключение с конюхом, который стал моим первым парнем. Первой тайной влюблённостью. Конюх был утешением, очень милым и симпатичным ровесником. Тогда мне было четырнадцать лет. Я сама его подтолкнула на это, нетерпеливая и игривая, непослушная девчонка.

Днём, каждый вторник и четверг, мы с ним встречались в саду. Его ласки были нежными и приятными. Он много рассказывал о звёздах, о своей мечте, что хочет нарисовать звёздную карту и пройти весь земной шар по этой карте. Я смеялась над его желаниями.

Он говорил о моей красоте и восхищался ею, говорил, что никогда не встречал таких красивых девушек.

Моё белое лицо было подобно сливкам, а белые кудри как копна мерцающих звёзд. Его зелёные глаза всегда блестели, когда говорил об этом, будто светились от счастья, словно он был самым счастливым человеком на свете. Я не знала, лю-

била ли его. Казалось, что это просто мимолётная нежность, и понимала, что у нас не было будущего. А он, наоборот, был так влюблён, что в своих мечтах говорил всегда о нас вдвоём, что всегда буду рядом с ним.

Через полтора года конюх внезапно заболел, подагра настигла его и он скончался. Я скучала по нему, очень скучала. Оплакивая почти целую неделю, носила траур и одевалась только в чёрное – отца в городе тогда не было.

Начала интересоваться модой. Мои любимые платья коротарди, которые, в основном, прилегали к телу, были с застёжкой посередине, с рукавами до запястий. Небесный цвет – самый любимый. Заказывала тёмно-лиловые пулены на свою ножку за неделю до выхода в свет. А в волнистые белокурые волосы до пояса любила вплетать золотые тесёмки, поэтому у меня было большое количество различных лент.

Во многом помогали нянечки. Когда мне исполнилось четырнадцать и я встречалась с конюхом, у меня они появились: Розы, Софи, Марго и Бриджит. С ними всегда было весело. Я улыбалась, смеялась, радовалась, и мысли о матушке так сильно уже не тревожили. Игры, общение, увлечения тряпками меняли мой характер. Я выросла.

Розы, Софи, Марго и Бриджит были на четыре года старше.

Розы – тихая и скромная, я её очень люблю за эти качества, она всегда давала советы, смотря на вещи объективно, была очень ко мне добра. Она моя самая послушная нянечка.

Ох, милая Рози, только ей я могла доверить секреты, все свои тайные желания! Почти всем делилась с ней, и знала, что могу ей доверять, она была мне верна. Только Рози знала о конюхе, и это было нашим с ней секретом.

Софи была импульсивной и всегда заводила спор с другими нянечками, и приходилось заканчивать их нахлынувшие эмоциональные разговоры.

Марго была самой вредной. Остальные нянечки всегда жаловались на неё, потому что она рассказывала секреты своих же подруг-нянечек, которые безудержно доверяли ей, а понимая, что доверять особо нельзя, всё равно повторяли свою ошибку. Им раз за разом казалось, что Марго изменится, но напрасно. Может, Марго просто была честной, поэтому хранить секреты не умела.

Бриджит была подругой Софи, они всё вместе делали, если другие расчёсывали мне волосы, то они должны были непременно вдвоём готовить ванну.

Нянечки были всегда рядом: будили, одевали, разговаривали, ходили на прогулки. Выслушивали мои истерики, когда было плохое настроение. Видели меня, когда я была грустной, обнажённой; они, наверно, видели всё, и относились ко мне с уважением, даже любили. И если я выйду замуж, то уже, возможно, их не увижу, только если будущий муж позволит, то они поедут со мной, любимые помощницы!

Я вспоминаю, как ещё детьми мы бегали в саду и играли в салки, как брались за руки и бежали наперегонки. Как

устроивали пикники, как лежали под ветвями сосен и говорили друг другу клятвы, что всегда будем вместе, куда бы ни поехали.

И вот, вероятно, настало то время, когда клятва вскоре будет нарушена. С возрастом я понимаю, что то были просто детские игры. Признаюсь снова, что я их любила, может, не совсем как подруг, а как своих нянечек. Моё воспитание или характер влияет на суждения в отношении них? Сама не знаю.

Отец не обращал на нас внимания, позволял вместе играть, так как я одна-единственная дочь, ему было жаль видеть меня грустной, печальной и одинокой. Хотя в чём-то отец мне угождал. В то же время он мог утешиться в объятиях своей любовницы: купил ей отдельное поместье за городом и постоянно проводил там время, только по надобности приезжая обратно домой ко мне и к больной матери.

Когда у меня появились нянечки, он уехал со своей пасией в Ватикан, а я очень злилась на отца. Злилась на то, что предал матушку и меня, что много времени постоянно ей уделяет, но ничего не могла с этим поделать. Чтобы загладить свою вину после долгой поездки, отец, после того как вернулся из Ватикана, взял меня с собой в Париж к его сестре, моей тёте, графине Марии де Вероз, где встретила со своими кузинами.

Мы гостили несколько дней и потом отправились обратно в Прованс.

Я не любила своих кузин, они были слишком надменны и напыщенны, столичная жизнь не сделала из них хороших людей. И как ни пыталась подружиться с ними, попытки были напрасны, просто лишняя трата времени. Вроде беседы складывались хорошо, но итог всегда оставался одним: они ссорились между собой и обвиняли меня в этом, либо просто надо мной глумились... Но я тоже не терялась в их обвинениях, могла ответить. Потому было непонятно, зачем я опять, приезжая к ним, начинала с ними разговаривать, если ссора была неизбежной. Даю им шанс... Право, это лишнее. Надо уже остановиться! В последний раз сказала им, что они должны попросить у меня прощения, только после этого буду с ними разговаривать. В итоге была удивлена, когда они сами приехали ко мне в гости и действительно попросили прощения, извинились, а потом начали опять задирать друг друга, только я уже не оставалась третьей лишней. Вот уж эти столичные штучки...

2. Слово отца

Отца не было в городе, он несколько месяцев провёл в Ватикане при дворе у Папы Римского Александра VI, потом у своего друга кардинала. Чем они там занимались, не знаю, но после его визита в Ватикан моя жизнь изменилась, разговор о предстоящем замужестве уже ожидал, а я ещё об этом и не догадывалась. Моя любовь с конюхом, имевшая временный характер, закончилась навсегда.

Отец в Ватикане как раз был в смутное время, когда распространялись слухи о Папе. Они даже и до Франции долетели, что на престоле Христа сидит обезьяна еврейская с испанскими корнями.

Разговоры о Папе Римском, выходящие за рамки разумного и морального, всех шокировали, но сторонники Папы знали, что это промыслы врагов, и я тоже не верила. По слухам, сейчас в церкви с приходом Папы Римского Александра VI царят хаос и разврат. Это вызвало много противоречий у французов: в прошлом Франция враждовала с Римом и не только. Но сейчас было мирное время. Мой отец искоренял эти слухи, он был верным сторонником Папы Римского Александра VI, поэтому ему пришлось уехать в Ватикан.

Говорят, что Папа Римский уже в солидном возрасте, но хорош собой, и что у него есть молодая любовница.

Кстати, у моего отца было много друзей в Ватикане, и некоторые из них имели кардинальские шапки. Один из его друзей-кардиналов, с кем дружба его была наиболее крепка, приезжал как-то к нам в гости, я тогда болела и не смогла спуститься на ужин. Одно знаю точно, что кардиналов нетрудно узнать, они выделяются пёстрыми красными мантиями.

Постоянные поездки моего отца во Флоренцию заканчивались покупкой картин и портретов, которые для любовницы отца писал Леонардо да Винчи. Да Винчи один из известных художников, а в простонародье говорят, что он безумец.

Картины обходились в крупненькое количество денариев. Но в этом году поездки во Флоренцию к да Винчи уменьшились, потому что сам художник уехал в Милан и работал над фреской «Тайная вечеря» в монастыре Санта-Мария-делле-Грацие. Работа отнимала у художника почти всё время, его полная занятость стала поводом для капризов пассивности отца. Да и во Флоренцию сейчас было опасно ехать, проповедь еретика Савонаролы против роскоши женских нарядов, приводила к столпотворению, что могло вызвать разбой. По доносившимся слухам, Савонарола называл себя проповедником Бога, он говорил, что Бог с ним разговаривает наравне, и его миссия – передать всю истину, что глаголет ему Бог. Мы называли его лжепророком, а мы – это все, кто были единомышленниками Папы Римского Александра VI.

С жестокостью средневекового фанатика обрушивался

Савонарола на святотатцев, которым велел вырезать языки, и на азартных игроков, которых наказывал огромными штрафами, а развратников и гомосексуалистов он приказывал жечь живыми.

Жестокие религиозные формы управления привели к росту оппозиции к проповеднику. Но его участь, как и остальных сторонников, вполне предсказуема: должны схватить и, наверное, обязательно впоследствии казнить...

Свеча горела в комнате, уже был вечер, а я сидела за столом и аккуратно выводила чернилами буквы с моими секретами и целой жизнью в тетради, которая знает меня лучше всех, в своём дневнике.

Будто всё забывается, и моё прошлое меркнет с секундами. Помню как сейчас: я в лучах несметно палящего солнца сидела спиной к окну, которое жгло кожу через платье. Осень, а солнце, будто не считая времена года, играет в свою игру. А мы лишь пешки в его лучах, поддаемся как самому дорогому теплу в этой жизни и прижимаемся к нему, опасаясь холода.

Слышится голос, который отвлекает от бренности моих бессвязных мыслей, доносится голос отца и тревожит. И всё внимание и взгляд переходят на него.

– Эмма, ты не забыла, что завтра вечером бал у короля в честь приезда Чезаре Борджиа, сына Папы Римского Александра VI? И завтра утром мы едем в Париж, где ты познакомишься со своим мужем? – доносился звук из дверей. Это

мой отец, высокий брюнет с сединой на висках и худощавого телосложения.

– Я помню, – ответила, когда отец вошёл в комнату. – Могу узнать, кто мой жених? Вы так внезапно собрались меня выдать замуж, может, стоит посмотреть на всех кандидатов? – задавала вопросы.

– Эмма, твой будущий муж герцог, и ты должна будешь выйти замуж за него, это не обсуждается, – сказал отец.

– А сколько ему лет – вы хоть знаете? Я за старика не выйду!

– Эмма, не зли меня...

– А как я должна реагировать? Почему вы приезжаете именно сегодня и сегодня же об этом сообщаете? Почему не написали ранее? Что вам пообещали за это? – спрашивала громко и нервно.

– Не заговаривайся, Эмма!

– Вы хоть видели его?

– Ты ведь не хочешь закончить свою жизнь в монастыре!

– А вы меня хотите этим напугать? Если он мне не понравится, то не выйду за него!

– Бестолковая девчонка! Любовь – самая большая помеха на свете! Ты обязана мне покориться, твой долг подчиниться! – на повышенных тонах сказал отец.

Выводя его из равновесия, я сжала зубы от злости, воткнув чернильное перо в листок, чуть не проткнула свой любимый дневник. Смотрела на отца, к груди подступила го-

речь злобы на него, потому что обращается со мной как с куклой.

– Ты выйдешь замуж за того, кого я выбрал! – ещё раз отчеканил отец и захлопнул за собой дверь.

А что оставалось мне? Приходится только надеяться, что жених мне понравится. Скоро закончится юная, спокойная девичья жизнь! А если мне придётся спать с тем, кого не люблю, неужели это возможно? Нет, не хочу об этом думать!

Сильно захотелось расплакаться, но не смогла. В глубине души чувствую, что всё будет хорошо и выйду замуж по любви. Может, не у всех так, но у меня обязательно будет так, как хочу. В любом случае, я его полюблю.

Мой отец герцог, у нас были земли, охотничьи угодья, виноградники и сундуки золота тоже имелись, а я была богатой невестой в своём королевстве.

Представляете, сколько женихов желает предложить свою руку и сердце?! Так хочется посмотреть на всех! Я никогда не знала ни голода, ни холода, даже не представляю себе этого, только знаю о тепле, сытости, красивых платьях, мягких и любимых мною соболиных шкурах и о своих мечтаниях о любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.